

У входа в учебный корпус

Мелкий дождь барабанил по каменным ступеням, разбрызгивая грязь. За коваными воротами стоял навязчивый гул автомобильных клаксонов.

Жань Хан только что оформил академический отпуск. Глядя на сплошную стену дождя, он с лёгким смущением провёл рукой по лицу.

И почему именно сейчас начался дождь?

В кармане безостановочно вибрировал телефон.

Не сбавляя шага, он поднёс телефон к уху.

— Привет... Мам. Я уже всё оформил...

Он замолчал, слушая ответ. И замявшись, неловко сказал:

— Не стоит так переживать. Это всего лишь временный перерыв. Я всегда могу вернуться и продолжить учёбу...

Он рассмеялся, стараясь звучать непринуждённо.

— Ладно, не волнуйся за меня. Ты что думаешь, я не нашел работу?

Буквально долетев до последней ступени, Жань Хан взглянул на прохожих, мечущихся в потоках ливня, и торопливо пробормотал в трубку:

— Да, мам, зонт взял. Слушай, я уже опаздываю, поговорим после работы.

Сбросив вызов, он вздохнул, натянул капюшон и поднял молнию ветровки до самого подбородка. Не оглядываясь, шагнул в под дождь.

Два месяца назад его младшая сестра Жань Ань попала в небольшую аварию. Хотя травмы были несерьёзными, во время обследования у неё неожиданно обнаружили редкое заболевание железистой системы — болезнь, которая в любой момент могла стать смертельной и требовала дорогостоящего лечения.

Жань Хан и его сестра выросли в неполной семье. Мать одна подняла обоих, накоплений не было. Пришлось занимать деньги у всех знакомых. С горем пополам удалось собрать на лечение, но в долгах они были, как в шелках.

С такой бедой в семье, даже несмотря на стипендию, Жань Хан больше не мог продолжать учёбу. Он решил взять академический отпуск, чтобы устроиться на работу и помочь выплатить долги.

Клуб «Onces» в городе А — место, куда приходят развлекаться исключительно состоятельные люди.

Жань Хан вбежал через чёрный служебный вход, торопясь так, что капли с волос и лица стекали непрерывным потоком. Вода с одежды натекла в лужу у ног.

Метрдотель взглянул на него с ещё большим раздражением:

— Ты хоть понимаешь, сколько времени?

— Простите, виноват

Сорвав промокшую куртку, Жань Хан обнажил полностью вымокшую футболку. Тонкая ткань, прилипнув к телу, обрисовала чёткий силуэт альфы с рельефными мышцами. Он принялся торопливо вытирать волосы полотенцем:

— На дорогах пробки, я на велосипеде гнал как сумасшедший — ещё быстрее, и он бы просто развалился.

Метрдотель смотрел на его беспечное лицо и строго сказал:

— В следующий раз опоздаешь — вычту из зарплаты.

— Ладно, ладно.

Жань Хан отбросил полотенце и виновато улыбнулся. При улыбке обнажались острые клыки, придавая его лицу ещё более беззаботное выражение:

— Больше не повторится.

За два месяца работы он уже изучил характер метрдотеля — грозный с виду, но добродушный.

Тот многократно грозился штрафами, но ни разу не вычел ни цента.

— Быстрее переодевайся! — торопил метрдотель.

Жань Хан быстро прошёл в раздевалку и менее чем через пять минут вышел оттуда в новой форме.

В полноростовом зеркале отразился статный альфа в элегантных брюках и жилете, подчёркивающим широкие плечи. Его фигура не уступала подиумным моделям. Под тёплым светом хрустальных люстр проступали черты молодого красивого лица, утратившие значительную долю юношеской мягкости.

В такие моменты он ему всегда казалось, что в зеркале незнакомец.

Клуб платил обслуживающему персоналу исключительно высокие зарплаты. Когда Жань Хан впервые пришёл на собеседование, он почти не надеялся на успех. Метрдотель тогда спросил его:

— Как думаешь, что главное в наших сотрудниках?

Внешность.

В винном погребе

Прозрачные хрустальные витрины хранили бесчисленное количество коллекционных напитков, а роскошь интерьера не уступала художественной галерее.

— Хан, наконец-то! — молодой бета-официант с облегчением выдохнул при виде Жань Хана. Бутылка перед ним стояла как полгода его жизни, и от одной мысли, что нужно подавать её гостям, у него начинали дрожать руки.

— Я сам, — подошёл Жань Хан.

Бета взглянул на телефон и вдруг возбуждённо тронул его за рукав:

— Говорят, только что прибыл какой-то важный гость — велел полностью очистить зал. Интересно, что происходит.

Жань Хан усмехнулся.

— Разве здесь вообще бывают неважные гости?

Членские взносы и запредельные цены этого места были непреодолимым барьером для обычных людей.

Разница лишь в том, кто богат, а кто — невообразимо богат.

Аренда всего помещения тоже не была чем-то из ряда вон.

Бета задумался.

— Тоже верно. Если они — мелкие сошки, то мы тут вообще никто.

Бз-з-з!

Жань Хан замер, глядя на всплывшее на телефоне сообщение от метрдотеля:

«Ложа, верхний этаж. Немедленно.»

«Возьми Romanée-Conti¹ из центральной витрины.»

Это было самое дорогое вино в клубе.

Жань Хан вдруг понял, что бета был прав...

Сегодняшний гостой и вправду был особенным.

У входа в частную ложу

— Господин Хо, мы и не предполагали, что вы почтите нас своим внезапным визитом сегодня вечером. Приношу свои глубочайшие извинения за возможные недочёты в подготовке...

Говорил Главный менеджер клуба, и в его заискивающем тоне сквозило непрекрытое

напряжение.

Через приоткрытую дверь Жань Хан увидел, как их вечно надменный «босс» сейчас расплывался в подобострастной улыбке. Тот почтительно протягивал зажигалку, пытаясь помочь прикурить сигарету гостю.

— Внезапно? — из комнаты донёлся голос мужчины. Его тембр источал необъяснимую холодность, от которой по спине пробежали мурашки и вставали дыбом волосы на затылке.

Щёлк...

Колёсико зажигалки провернулось. Мужчина игнорировал услужливое движение менеджера и прикурил самостоятельно.

— В компании не могли найти господина Ляна. Я уж подумал, он специально ждёт меня здесь.

Как только эти слова прозвучали, Жань Хан увидел, как посерело лицо мужчины средних лет в очках, сидевшего рядом с их менеджером. Очевидно, это и был тот самый «господин Лян».

Жань Хан не стремился подслушивать — он лишь хотел поскорее внести вино.

Он постучал дважды.

Менеджер крикнул «Войдите!» с облегчением человека, увидевшего спасителя.

Жань Хан шагнул внутрь — и сквозь рассеивающийся дым встретился взглядом с парой глаз, взгляд пробирал до глубины души своей холодностью.

Мужчина в центре дивана был облачён в идеально сидящий чёрный костюм. Его кожа отливала болезненной бледностью, а прядь тёмных волн спадала на лоб, полуприкрывая длинными ресницами тёмные, бездонные глаза — это придавало им оттенок циничной небрежности.

Уголки его губ будто бы были приподняты в улыбке, но в ней не было ни капли тепла — напротив, она вызывала лёгкую дрожь. Окружающие замерли, боясь лишний раз пошевелиться.

Мужчина оказался на удивление молод, но при этом от него исходила та самая, редкая аура, что заставляет забыть о всём на свете — невозможно отвести взгляд.

Когда их взгляды встретились, сердце Жань Хана неожиданно пропустило удар. Осознав, что

пристально смотрит на незнакомца, он быстро опустил ресницы, резко отвёл глаза, и по его щекам непроизвольно разлился румянец. Эта нарочитая скованность выдавала его смущение ещё явственнее.

Мужчина едва заметно приподнял брови — и на этот раз в его глазах действительно проглянула усмешка.

Словно он смеялся над ним.

Хо Сымину показалось забавным, что здесь нашёлся официант, который краснеет от одного взгляда.

Под красноречивыми взглядами менеджера Жань Хан подошёл к Хо Сымину, чтобы налить вино.

Красное вино медленно наполняло бокал, а менеджер в это время подобострастно расписывал его баснословную стоимость. Однако взгляд Хо Сымина был прикован к слегка смущённому лицу юноши. При свете ламп лёгкий румянец на его щеках проявлялся ещё отчётливее. Молодой человек с безобидными «щенячьими» глазами, даже нервно выполняя свои обязанности, украдкой продолжал бросать на него взгляды — отчего заливался румянцем ещё сильнее.

До невозможности наивно.

Но когда периферийным зрением Хо Сымин заметил на запястье юноши браслет для мониторинга альфа-феромонов, его глаза потемнели. Мимолётный интерес растаял, словно его и не было.

Когда Жань Хан закончил наливать вино и удалился, менеджер, провожая его взглядом, обратился к Хо Сымину:

— Говорят, тот официант — подающий надежды студент из университета А. Господин Хо, быть может...

Услышав это, Хо Сымин едва заметно нахмурился. Его лицо, и без того бесстрастное, стало совершенно нечитаемым.

Секретарь поспешно сделал менеджеру знак замолчать.

Это напомнило менеджеру одну важную деталь, от которой у него похолодело внутри — он внезапно вспомнил слухи, ходившие о новом наследнике могущественной семьи.

Все говорили, что Хо Сымин испытывает крайнюю неприязнь к альфам.

Теперь это казалось правдой.

В воздухе повисла тягостная пауза.

Хо Сымин даже не взглянул на бокал перед собой, а обратился к Лян Шаофэну, сидевшему рядом с менеджером:

— Сегодня я пришёл лишь для того, чтобы обсудить кое-что с господином Ляном...

Менеджер уже собирался сгладить ситуацию, как вдруг тот продолжил таким тоном, от которого все внутри похолодело.

— С глазу на глаз.

Лян Шаофэн выдавил натянутую улыбку в сторону Хо Сымина и жестом отпустил подчинённых:

— Раз господин Хо желает обсудить нечто наедине — все, покиньте зал.

Но на самом деле ему было совсем не до смеха.

Полмесяца назад в конгломерате «Хуаньюй» произошли внезапные перемены: никто не ожидал, что Хо Мао вернёт из изгнания некогда отвергнутого наследника.

Хо Сымин, как старший внук Хо Мао, в восемнадцать лет проявился как омега — после чего был изгнан за границу и полностью отстранён от дел.

Поначалу никто не принимал Хо Сымина всерьёз. Все считали его покорной пешкой, но не ожидали, что вернулся «бешеный волк».

Неизвестно, откуда Хо Сымин добыл компромат на нелегальные операции региональных руководителей. Ему потребовалось на все всего лишь две недели; он начал с нескольких человек, используя доказательства как приманку, поощряя взаимные доносы и травлю. Стратегия «собак грызут друг друга» позволила ему в кратчайшие сроки захватить контроль над ключевыми производственными цепочками «Хуаньюй».

Сфера ответственности Лян Шаофэна включала и эти клубы под эгидой конгломерата — места, где он он отмывал деньги, полученные с коррупции и взяточничества.

Он знал, что меч Хо Сымина рано или поздно придёт и за ним, потому планировал сбежать с деньгами, но не ожидал, что тот явится так скоро.

При мысли об этом, его глаза потемнели.

Теперь, когда бегство стало невозможно, он решил: если погибать — так вместе.

В VIP-лаунж зоне

Жань Хан собирал оставленные гостями бокалы, но его мысли возвращались к тому, как он позорно повёл себя в приватном зале. Он замер с бокалом в руке, и по всему телу разлилось ощущение полного дискомфорта.

Он не был тем, кто краснеет при виде омеги. Да и тот гость вряд ли был омегой — скорее альфой. Почему же он не мог оторвать от него взгляд?

Мало того что смотрел — так ещё и покраснел.

Сгорая от стыда, Жань Хан провёл рукой по лицу, пытаясь сосредоточиться на бокалах и выбросить из головы неловкие воспоминания.

Чем больше думал — тем унизительнее все это казалось.

Вдруг снаружи донёсся оглушительный грохот, словно что-то рухнуло.

В соседней ложе

Грохот!

Хо Сымин снял металлический ремешок часов и швырнул его на стол. Он недооценил степень готовности этих людей идти до конца. Он не притронулся к вину, но не ожидал, что Лян Шаофэн осмелится добавить в аромалампу препарат, провоцирующий течку у омег.

Лян Шаофэн замер, с недоверием глядя на поднявшегося с дивана мужчину.

— Вы...

Он же приказал увеличить дозу до максимума — почему Хо Сымин выглядел совершенно невозмутимым?

Неужели он не омега?

В следующее мгновение Лян Шаофэн почувствовал, как над ним нависла тень.

Будучи бетой, он был на целую голову ниже Хо Сымина, и сейчас мрачная ярость в глазах последнего была совершенно не скрыта.

С оглушительным Бам! Хо Сымин со всей силы ударил его по переносице.

Лян Шаофэн в муках свалился на пол, алая кровь сочилась сквозь его пальцы. Затем он почувствовал острую боль на лице.

Хо Сымин прижал его лицо каблуком и, искривив губы в усмешке, прошипел с напряжёнными скулами, источающими леденящую жестокость:

— Я дал тебе шанс... Но ты сам захотел по-плохому.

Встретившись с этим мрачным взглядом, Лян Шаофэн содрогнулся — он почувствовал, что действительно умрёт.

В VIP-лаунж зоне

Услышав оглушительный шум, Жань Хан поспешно отложил вещи и собрался сходить посмотреть, что произошло.

Но прежде чем он успел сделать шаг, дверь с силой распахнулась извне, и в помещение ворвался волной леденящий аромат сандалового дерева.

Это был тот самый гость из частного зала, но сейчас его волосы были в беспорядке, дыхание

— сбитым, а весь вид выражал крайнюю степень напряжения.

Жань Хан замер, его взгляд прилип к алым следам крови на тыльной стороне руки гостя.

— Сэр?

— Сэр, вы ранены.

Аромат сандала усилился. Жань Хан почувствовал, как по спине пробежал разряд тока, а браслет на его запястье начал непрерывно пищать.

Зрачки Жань Хана резко сузились — он наконец осознал, что перед ним омега.

Глядя на человека, стоявшего в центре комнаты, Хо Сымин с проступившим на лбу холодным потом думал лишь одно...

Какого чёрта здесь делает этот проклятый альфа?

Действие индуктора оказалось сильнее, чем предполагал Хо Сымин. Потратив слишком много времени на Лян Шаофэна, он теперь чувствовал, как сознание затуманивается, едва сохраняя возможность стоять, и мог лишь опереться о дверь, судорожно ловя воздух.

Препарат спровоцировал внезапную течку, а обычные дозы ингибиторов на него не действовали.

Одна лишь мысль о том, что он потеряет сознание здесь из-за течки — особенно перед этим альфой — заставляла глаза Хо Сымина становиться всё мрачнее...

Но, казалось, альфа перед ним был ещё более напряжён. Жань Хан стоял на месте, сохраняя дистанцию, и нервно достал из кармана телефон:

— Что-то случилось? Если вам нужна помощь, я могу вызвать охрану или скорую...

В тот момент, когда голос альфы начал звучать всё дальше, в воздухе вдруг повеяло сладковатым ароматом лёгких сливок.

Зрачки Хо Сымина дрогнули, и его затуманенное сознание ненадолго прояснилось.

Что это за запах?

Почему он так сводит с ума?

Видя, что тот молчит, а его лицо становится всё бледнее, Жань Хан невольно забеспокоился. Сделав два шага вперёд, чтобы проверить его состояние, он внезапно был дёрнут за галстук — его тело неконтролируемо наклонилось вперёд, а телефон упал на пол.

Расстояние между ними мгновенно сократилось. Хо Сымин из последних сил заставил Жань Хана наклонить голову.

Глядя на внезапно приблизившееся лицо и резко усилившийся аромат феромонов омеги, Жань Хан начал заикаться:

— С-сэр...

Зубы Хо Сымина стучали от напряжения. Цепляясь за последние крупинцы воли, он прошептал:

— Чей это запах?

Кадык Жань Хана нервно сдвинулся. Всё его тело напряглось, пытаясь сохранить дистанцию с омегой:

— Это...

Он запнулся, лицо покрылось лёгким румянцем смущения.

— Мои феромоны.

Почти в тот же миг он почувствовал тяжесть на плече — мужчина бессильно опустил голову ему на плечо.

Жань Хан застыл, инстинктивно обхватив его рукой.

— Сэр?

¹ Бутылка 0,75 л вина Domaine de la Romanee-Conti урожая 2010 г. стоит примерно 6 300 000 рублей. Это красное сухое вино, 13% алк. Производство: Франция, Бургундия.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13854/1222234>